

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Сборник статей
Второй международной научной
конференции молодых ученых

Ланзейский СОЮЗ:

от зарождения
к Возрождению

Великий Новгород,
29–30 сентября 2022 года

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

ГАНЗЕЙСКИЙ СОЮЗ: ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Сборник статей

*Второй международной научной конференции молодых ученых
Великий Новгород, 29–30 сентября 2022 года*

Великий Новгород
2023

УДК 94(492+430)
ББК 63.3(43)
Г19

Печатается по решению
РИС НовГУ

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **М. Б. Бессуднова**
(Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород)

кандидат исторических наук, доцент **Е. И. Носова**
(Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия:

А. В. Ушаков (отв. ред.); И. И. Семенова (ред.); В. В. Грохотова;
Е. А. Макарова; В. А. Якунина; Н. В. Салоников; Д. И. Вебер

Ганзейский союз: от зарождения к возрождению: сборник
Г19 статей Второй междунар. науч. конф. молодых ученых. Великий
Новгород, 29–30 сентября 2022 года / отв. ред. А. В. Ушаков;
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород:
НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. – 109 с.
ISBN 978-5-89896-863-2
DOI: 10.34680/978-5-89896-863-2/2023.Hansa

В сборник включены результаты актуальных исследований, представленных в рамках Второй международной конференции молодых ученых «Ганзейский союз: от зарождения к возрождению», состоявшейся 29–30 сентября 2022 года в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, город Великий Новгород.

В ходе работы конференции молодые ученые представили доклады, посвященные специфике функционирования Ганзейского союза, вопросам русско-ливонского товарообмена и судьбе Немецкого подворья в Новгороде. Большое внимание было уделено проблемам историографии Ганзы. Важное место занимают материалы, в которых освещены студенческие проекты популяризации ганзейской истории, а также применение современных компьютерных методов в ганзейских исследованиях.

Сборник предназначен для широкого круга лиц, интересующихся историей Ганзейского союза и шире – балтийского экономического пространства периода Средневековья и раннего Нового времени.

УДК 94(492+430)
ББК 63.3(43)

ISBN 978-5-89896-863-2

© Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого,
2023
© Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4

СТАТЬИ

Малиновский Н. А. Ганзейский союз и Новгород. Трансформация ганзейской торговли после вхождения Новгорода в московское политическое пространство	6
Якунина В. А. От гезелле до бургомистра: жизнь нарвского гражданина Фредерика Корфа	17
Семенова И. И. Ганзейская торговля в Брюгге в работах Г. Сарториуса	29
Цветкова А. С. Англо-ганзейская торговля XII–XIV веков в зарубежной историографии	36
Лебедева А. А. Ганзейская торговля в Бергене в зарубежной историографии второй половины XIX века	47
Семенова И. И., Цветкова А. С., Лебедева А. А. Вклад Г. Сарториуса и И. М. Лаппенберга в изучение ганзейской торговли в Бергене, Брюгге и Лондоне	54
Выслоужилова Д. Л. «Не только теория фронта»: некоторые взгляды американских историков XX века на новгородскую экспансию на Северо-Восток	71

СООБЩЕНИЯ

Калугина Е. М., Медведева Е. П., Орлова П. В. Организация квеста «Ганзейская тропа в Новгороде» как один из способов популяризации истории Ганзы	79
Курганевич Д. В., Мащенко Б. Г. Опыт создания онлайн-карты русско-ганзейских торговых маршрутов XIV–XVI веков в рамках проектной деятельности НовГУ	87
Ушаков А. В. Transaktionskostentheorie и торговля «новгородских гостей» Любека в XV–XVI веках	93

**«НЕ ТОЛЬКО ТЕОРИЯ ФРОНТИРА»:
НЕКОТОРЫЕ ВЗГЛЯДЫ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ XX ВЕКА
НА НОВГОРОДСКУЮ ЭКСПАНСИЮ НА СЕВЕРО-ВОСТОК**

Выслоужилова Д. Л.

Университет имени Масарика, Брно, Чехия

E-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

**“NOT ONLY THE FRONTIER THESIS”:
SOME VIEWS OF THE AMERICAN HISTORIANS OF THE
20th CENTURY ON NOVGOROD EXPANSION TO THE NORTH-EAST**

Vysloužilová D.

Masaryk University, Brno, Czech Republic

E-mail: vyslouzilova@phil.muni.cz

Аннотация. Американские историки, изучая новгородскую экспансию в северо-восточном направлении в период Средних веков, зачастую используют методические подходы, которые пока в русской историографии являются редкостью, а также приходят к заключениям, отличающимся от взглядов их российских коллег. Автор статьи обращает внимание на отражение темы колонизации Новгородом соседних территорий в американской историографии XX века и решает ряд вопросов: как зарождалось и развивалось исследование данной темы в течение прошлого века среди американских ученых, какие концепты и стратегии историки применяли при ее рассмотрении, как менялась источниковая база и какие элементы являлись приоритетом для ряда историков. В основе исследования находится историографическая школа университета Беркли (Калифорния), анализирующая на протяжении нескольких десятилетий новгородскую колонизацию с точки зрения теории границы и ее последующее сравнение с методикой других историков-современников.

Ключевые слова: Великий Новгород, новгородская экспансия, американская историография, теория границы, торговля пушниной

Abstract. American historians often use methodological approaches that are still rare in Russian historiography. Also, when it comes to studying Novgorodian expansion in the northeast territories during the Middle Ages, their conclusions sometimes differ from their Russian colleagues. The author of this article draws attention to the reflection of the formation of the Novgorod colonies in American historiography of the 20th century and solves the following questions: how the study of this topic was established and later developed over the past century among American scientists, what concepts and strategies these historians used when considering it, how the source base changed, and what elements were considered a priority for certain historians. The study is based on the historiographical school of the University of Berkeley (California), where the Novgorodian colonisation has been analysed for several decades from the point of view of the frontier thesis. Results of the frontier approach are subsequently compared with the methods of other historians of that time.

Keywords: Novgorod the Great, Novgorod's expansion, American historiography, frontier thesis, fur trade

В русской историографии процессы завоевания Заволочья и соседних территорий представляют традиционную и довольно детально изученную тему. Первые заметки о походах новгородцев за волок «в Югру и Самоядь» [1, с. 5] встречаются уже в общих исследованиях по истории Великого Новгорода XIX века, в XX веке появились профильные труды, посвященные уже конкретным областям Русского Севера. В американской историографии новгородская колонизация начала выступать в качестве предмета исследования лишь с первой половины XX века. В рамках данной статьи нам бы хотелось проследить историю исследования колониционных процессов Русского Севера в XX веке в связи с попыткой установления, существуют ли определенные тенденции при изучении данной темы, а также отметить преобладающие методолого–теоретические подходы, применяющиеся исследователями. Как верно отметил К. Раффенспергер, база письменных источников является общей для всех зарубежных и отечественных историков, однако подход к ним «зачастую отличается, что может приводить к абсолютно разным заключениям» [2, с. 11].

Первый концептуальный подход представляют историки Университета Беркли (Калифорния), рассматривающие новгородскую деятельность исходя из «теории границы/фронттира», которую выдвинул в 1890-х годах американский историк Ф. Тернер. Феномен текущей границы между цивилизациями разного уровня развития и их взаимные столкновения были в начале интерпретированы как исключительно американское явление. Однако историки начали в скором времени применять идею Тернера в отношении других стран, в том числе России [3, р. 2]. Как подчеркивает У. Урбан, некоторые аспекты фронттира, например «борьбу развитой культуры против дикой природы и варварских племен», можно считать универсальными [4, р. 48]. Теория фронттира стала мировым явлением историографии, но особой популярностью пользовалась на своей родине. Причины такого развития заключаются в одинаковом историческом опыте обеих стран: США и Россию объединяет путь колонизации значительных территорий и развитие торговли мехами.

В основе «школы Беркли» стоит труд Р. Дж. Кернера, изучающего с 30-х годов XX века процесс завоевания Сибири с учетом теории границы. «Именно Кернер», сообщает его современник Р. Г. Фишер, «повернул внимание историков к колонизации Сибири» [5, р. 397]. Заявлению Фишера можно противопоставить то, что уже в 1914 году вышел труд «Русская экспансия к Тихому океану» историка Ф. А. Голдера, однако вышеупомянутое

издание сосредотачивалось преимущественно на периоде Нового времени. Таким образом, лавры первенства в изучении темы новгородских походов все-таки принадлежат Р. Кернеру. В историографии исследуемой темы особое место занимает его труд «Стремление к морю» [6], посвященный памяти С. М. Соловьева. В предисловии автор объясняет, почему именно этот русский ученый стал для него инспирацией: крылатая фраза, что история России «это история страны, которая колонизируется» приписывается В. О. Ключевскому, хотя ее истинным автором является С. Соловьев [6, р. XI]. Подходя к теме экспансии, Кернер задавал себе вопрос: «какая это была сила, географическая или экономическая, материальная или духовная, что заставила Русь продвигаться к морю и привела к экспансии в три континента?» [6, р. IX]. Ссылаясь еще раз на труды Соловьева, который первый заметил ключевую роль системы рек, озер и волоков при «побеге к морю», Кернер приходит к выводу, что Новгород смог построить пушную империю и контролировать территорию до хребтов Урала благодаря системе волоков и потерял свою позицию лишь после приобретения Москвой и Владимиро-Суздальским княжеством контроля над его водными путями [6, р. 4]. Падение Новгорода, считает Кернер, не остановило динамичность русского народа ввиду создания Московского государства, его жители оставались «народом в движении» [7, р. 35].

Почти в то же время, когда была опубликована монография Кернера, был издан труд Р. Г. Фишера «Русская пушная торговля 1550–1700» [8]. Историк подошел к вопросу колонизации иным способом – в центре его исследования находится экономический фактор: пушнина и ее добыча. Тяга к морю, существующая, по мнению Кернера, исходя из русского менталитета, в разработке Фишера приобретает чисто практический характер – движущей силой служат товарно-денежные отношения. Спрос на высококачественные меха был настолько значительным, что в скором времени количество пушных зверей в окрестностях Новгорода стало стремительно сокращаться. Чтобы поддерживать развивающуюся торговлю, новгородцы, а после них московиты, стали искать новые источники пушнины в отдаленных областях [8, р. 3–5]. Фишер тоже замечает, что большинство мехов новгородцы сами не добывали, преобладала форма меновой торговли или сбора дани с финно-угорских племен на арктическом побережье. Признав важную роль Новгорода в первых столетиях формирования пушной торговли, автор все же отводит ключевое место в создании «меховой империи России» Москве [8, р. 5].

Итоги исследования Кернера и Фишера, совместно с терминологией Г. В. Вернадского о «лесной» и «степной» экспансии [9, с. 36], легли в основу

прижизненных трудов Дж. Ланцева [10; 11] и в редакторскую версию Р. А. Пирса в 1973 году [12]. Колонизация на северо-восток является, по мнению Ланцева, «одним из самых выдающихся моментов русской истории» [10, р. 5], который привел к созданию «крупнейшей в мире континентальной империи» [11, р. 1]. Ланцев и Пирс также отмечают, что «ни одна охота за любым видом природного ресурса не привела к завоеванию более обширной территории, чем общерусское движение за мехами в полумифические полуночные страны» [12, р. 17]. Корни будущей колониальной державы авторы ищут в эпохе становления консолидированного русского государства при Святославе Игоревиче [12, р. 21], тем не менее, самые древние этапы новгородских походов представляют коллаборацию легенды и исторического нарратива. В отличие от Кернера, для которого основными предметом интереса было естество природы, Ланцев уделяет внимание образу столкновения человека и природы в письменных источниках. Хронологию новгородской экспансии Дж. Ланцев открывает походом Улеба на Железные ворота в 1032 году, о котором сообщает Никоновская летопись XVI века. Хотя автор наблюдает за неоднозначным местоположением Железных ворот [11, р. 2], отсутствие данного отрывка в более древних новгородских летописях или Повести временных лет не вызывает у Ланцева никакого сомнения, и данное сведение принимается за однозначный успех новгородской предприимчивости в Приуралье в первой половине XI века. Вместе с летописями автор пользуется и актовыми материалами: расширение новгородского влияния в области бассейна Северной Двины и Пинеги в XII веке подтверждается сведениями устава князя Святослава Ольговича, а также монастырским делопроизводством. Анализируя благословенную грамоту Иоанна игумену Михайло-Архангельского монастыря, Ланцев приходит к мысли, что данный источник относится к 1160–1165 годам и служит очередным примером того, что в XII веке новгородцы закрепили за собой право владения на всей территории до Урала [11, р. 3]. При расшифровке этой грамоты Ланцев поступил опрометчиво: источник сохранился без точной датировки, ориентировочным пунктом здесь выступает имя архиепископа Иоанна, которых было на новгородском престоле двое. Ланцев считает, что речь идет об Иоанне II (1165–1186), умалчивая или забывая о втором возможном варианте, правлении Иоанна III (1388–1415). Также упущением является то, что ни Ланцев, ни Пирс в своих монографиях не упоминают о берестяных грамотах, которые, разумеется, уже были известны. Для трудов Ланцева характерен еще один момент – вывод о возвышении Владимиро-Суздальской Руси в качестве противника новгородских колонизаторов. По мнению Кернера и Фишера,

единственным конкурентом Новгорода являлась Москва, Ланцев же показывает, что Новгород сражался за контроль над речными путями за Урал раньше: с князьями Северо-Восточной Руси, пока убийство князя Андрея Боголюбского не остановило экспансивные стремления мощного соседа. [11, р. 6]

Период столкновений Новгорода с владимиристо-суздальскими князьями, и их собственное стремление к расширению территории, заинтересовал Т. Нунена, который был сторонним университету Беркли исследователем [13, 14]. В отличие от Ланцева, поставившего точку в экспансии Северо-Восточной Руси в год смерти Андрея Боголюбского (1174), Нунен считает, что данная территория развивалась до падения Киевского княжества в 1240 году [14, р. 371]. Новгород в сочинениях Нунена выступает как особенный субъект на рубеже Востока и Запада, проигравший свои поморские владения из-за презрительного отношения к собственным соседям [13, р. 323]. Новгород и Псков, по мнению Нунена, веками игнорировали события в Литве, не считали другие русские княжества равными себе и не уделяли внимания языческим финно-угорским племенам, своим торговым партнерам. Высокомерие Новгорода и его нежелание христианизировать поморских финно-угров, в отличие от противоположной стратегии Москвы, привели к окончательной потере колоний [13, р. 325–326].

В 80-е годы XX века к истории Новгорода обратился Х. Бирнбаум [15], его исследования дополняют историографию вопроса тремя основными новшествами: интерес к социальной структуре, сравнения новгородской колонизации с немецким «Drang nach Osten» и расширение терминологии. В отличие от уже существующих трудов, изучающих причины, время и цели новгородских походов на восток, Бирнбаум начал рассматривать контекст колонизации с социологической и демографической точек зрения: на первое место здесь выходят судьбы боярских семей типа Строгановых – «русских Фуггеров» [15, р. 73], передающих территориальные приобретения потомкам по наследству. К сожалению, не удается установить, к каким источникам обращался автор, ввиду отсутствия ссылок. Второе наблюдение заключается в сравнении новгородского подхода с христианизацией финно-угров. Нежелание Новгорода распространять религию подчеркнул уже Т. Нунен, заявив, что успешное продвижение православия привело к окончательной победе Москвы над Новгородом [13, р. 331]. Бирнбаум показывает сравнение с Тевтонским орденом, который, как и Новгород, являлся в одно время соседом языческой Прибалтики. Пока столица пушной торговли не стремилась к христианизации балтов, немецкое население использовало ее для расширения и закрепления влияния над этой областью [15, р. 48]. Будучи лингвистом, Бирнбаум также по-

другому относился к лексике, связанной с новгородской экспансией. Он стал называть завоеванные территории по русскому образцу «волости» [15, р. 71], акцентируя их особый статус. Заволочье, Печора и Югра входили в круг новгородских нереализованных интересов, считал Бирнбаум [15, р. 71].

Особо значительный вклад в исследование новгородской экспансии внесла в своих многочисленных трудах Дж. Мартин. Данная проблематика отражается в обобщающей монографии по истории меховой торговли на Руси [16] и в профильных исследованиях по теме Новгорода и его конкурентов [17; 18]. Мартин комбинирует несколько концепций: в статье, посвященной московской колонизации, область Русского Севера рассматривается как текущий и подвижный фронт, который в начале продвигали все больше и больше на северо-восток новгородцы, пока в середине XIV века область не вошла в сферу московского интереса [17, р. 460]. Мартин также в числе первых зарубежных историков отмечает важную роль Устюга, который преследовал собственные цели и стал местом частых сражений [16, р. 87]. Отдельный труд Мартин посвятила влиянию золотоордынского ига на меховую торговлю в XIII–XIV веках: по ее заключениям, вторжение монголов не нанесло особо сильного удара, так как обмен мехами уже десятилетиями находился в упадке из-за половцев, нападающих на торговый путь «из варяг в греки» [18, р. 403]. Автор также обращает внимание на коварную политику монголов, которые не препятствовали новгородской международной торговле, но при этом поддерживали княжества северо-восточной Руси, чтобы те создавали конкуренцию Новгороду и нарушали его монополию. Образец этой политики вновь показан на примере Устюга: монголы получали доходы с двух видов пушнины: первую Устюг продавал сам, а вторую отправлял в качестве дани в Новгород [18, р. 46]. Источниковая база Мартин пополняется сведениями арабских путешественников, для которых богатство Югры также представляет особую ценность, поэтому их известия служат дополнением к уже традиционно используемым летописям. Монографию «Сокровища полуночных стран» [16] можно назвать завершающим шагом изучения новгородской экспансии в американской историографии XX века. Автор составляет общую картину пушной торговли на Руси в Средние века, объясняет, какую роль в ней играли Киев, Новгород, Владимир-Суздаль, Москва, Казань и Болгар, интересы которых пересекаются в Заволочье и его окрестностях. С точки зрения использованной методики труд Дж. Мартин представляет совокупность всех существующих подходов и может служить методологическим пособием по историографии Новгорода. В арьергарде находится природа и компоненты

ландшафта, о важности которых предупреждал уже Р. Дж. Кернер. На основе исследований Т. Нунена и Дж. Ланцева, Мартин не трактует сражение за Заволочье как типичный конфликт двух сторон (Москвы и Новгорода), а, наоборот, акцентирует внимание на количестве стран, сражающихся за природные богатства. Ее исследование также развивает интерес к истории пушной торговли, исходящий из сочинений Р. Г. Фишера и Ф. А. Голдера. Свои заключения Мартин основывает на всех доступных источниках, избегая некоторых ошибочных суждений Дж. Ланцева. Теория фронта у Мартин пересекается с элементами экономики и политической истории, тем самым создавая многосторонний образ влияния Новгорода.

В течение XX века американская историография не раз сталкивалась с темой новгородцев, способных завоевать огромную территории от Онежского озера до Урала и от верхней Волги до арктического побережья. Их движение было рассмотрено с разных ракурсов: теория границы прошла путь от географической концепции Р. Кернера до вопроса о взаимосвязи цивилизаций и культур. Отдельно развивалась история экономических отношений и торговли. Источниковая база в течение XX века постепенно расширялась, добавлялись новейшие данные археологии и этнографии. Были введены в научный оборот новые письменные источники, что позволило зарубежным историкам конца XX века обладать такой же совокупностью данных, как и русским исследователям. Следует также отметить, что теория границы еще не исчерпала себя как концепт, способствующий пониманию и изучению истории России. В последние годы этот дискурс применяется в изучении средневековой истории Балтийских стран, представляющих собой подвижную границу, один из последних языческих фронтиров Европы. Частью балтийского мира является и Новгород: сравнение его деятельности на западной и восточной границах может в будущем стать новым перспективным научным вектором и продолжить намеченную Тернером традицию в отношении Древней Руси.

Список источников и литературы

1. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1843. 377 с.
2. Федосов А. В., Раффенспергер К. Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков. М.: Центрполиграф, 2021. 254 с.
3. Wieczynski J. L. Russian Frontier. The Impact of Borderlands upon the Course of Early Russian History. Charlottesville: University Press of Virginia, 1976. 108 p.

4. Urban W. *The Frontier Thesis and the Baltic Crusade* // *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150–1500*. London: Routledge, 2017. P. 45–71.
5. Fisher H. R. *Kerner, Bering, and the Amur: A Refutation* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1969. Vol. 17. P. 397–407.
6. Kerner R. J. *The Urge to the Sea*. Berkeley: University of California Press, 1946. 212 p.
7. Kerner R. J. *The Russian Eastward Movement: Some Observations on Its Historical Significance* // *Pacific Historical Review*. 1948. Vol. 17. P. 135–148.
8. Fisher H. R. *The Russian Fur Trade, 1550–1700*. Berkeley: University of California Press, 1943. 275 p.
9. Вернадский Г. В. *Монголы и Русь*. М.: ЛЕАН – АГРАФ, 2004. 480 с.
10. Lantzeff G. V. *Siberia in the Seventeenth Century*. Berkeley: University of California Press, 1943. 235 p.
11. Lantzeff G. V. *Russian Eastward Expansion before the Mongol Invasion* // *The American Slavic and East European Review*. 1947. Vol. 6. P. 1–10.
12. Lantzeff G. V. – Pierce R. A. *Eastward to Empire: Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier to 1750*. Montreal; London: McGill-Queen's University Press, 1973. 276 p.
13. Noonan T. S. *Medieval Russia, the Mongols, and the West: Novgorod's relations with the Baltic, 1100–1350* // *Mediaeval Studies*. 1975. Vol. 37. P. 316–339.
14. Noonan T. S. *Suzdalia's Eastern Trade in the Century before the Mongol conquest* // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1978. Vol. 19. P. 371–384.
15. Birnbaum H. *Lord Novgorod the Great. Essays in the History and Culture of a Medieval City-State*. Columbus: Slavica Publishers, 1981. 170 p.
16. Martin J. *Treasure of the Land of Darkness*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 277 p.
17. Martin J. *Muscovy's Northeastern Expansion: The Context and a Cause* // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1983. Vol. 24. P. 459–470.
18. Martin J. *The Land of Darkness and the Golden Horde. The Fur Trade under the Mongols XIII–XIVth Centuries* // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1978. Vol. 19. P. 401–421.